

Елена Северская

Дело о
Ходящем Древе

Елена Северская

Дело о Ходящем Древе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73244892

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

Продолжение приключений Алекса Нежинского, героя книги Артефакты Агарона.

Три месяца спокойствия для владельца лавки Артефакты Томаса подходят к концу. Когда в городе начинают исчезать духи природы, а городской парк превращается в смертельную ловушку, где ожившие корни охотятся на людей, Алекс понимает: на этот раз угроза исходит не от демонов, а от самой земли.

На пороге лавки появляется таинственный Виктор Краен, лидер организации Проект Гайя, проповедующий биомагическое очищение мира от таких, как Алекс. У него безупречный костюм, убедительный голос и технологии, способные превратить монету в пыль за секунду.

Чтобы остановить превращение города в ядовитые джунгли, Алексу придется объединиться с дриадом-полукровкой, разобраться в мрачных тайнах своего прадеда времён Зелёной Смуты и понять, почему старый дуб в парке замолчал, обрекая всё живое вокруг на безумие.

Магия против эволюции. Артефакты против взбесившейся природы. Война за право не быть исцеленным начинается.

Содержание

Глава 1. Когда вода становится маслом	5
Глава 2. Земля, которая жует	16
Глава 3. Человек в дорогом костюме	25
Глава 4. Тени прошлого	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Северская

Дело о Ходящем Древе

Глава 1. Когда вода становится маслом

Утро в «Артефактах Томаса» начиналось с двух священных ритуалов: проверки защиты на входной двери и варки кофе.

Алекс Нежинский, гибрид-вампи́р без инициации, выполнил первое одним взглядом – серебряные нити паутины в дверных щелях, тончайшие, как дымка, вибрировали в такт магическому полю лавки. Они были пусты. Никто не пытался проникнуть за ночь. Второй ритуал взяла на себя Марина Белецкая.

– Опять твой прадедовский метод? – её голос донёсся из крохотной кухни за прилавком, где пахло пылью, старым деревом и теперь – свежемолотыми зёрнами.

– Самый надёжный. Никакой магии, только физика, – отозвался Алекс, расставляя на витрине новые болванки для артефактов – полированные сланцевые диски. – Если что-то пойдёт не так, это будет просто плохой кофе, а не аномалия, пожирающая сознание.

– Сноб, – прозвучало в ответ, но беззлобно.

Прошло почти три месяца после истории с Агароном, легом Муэрти и артефактами древних. Лавка стояла. Семья была цела. Дядя Валентин, оставшийся без трёх пальцев на левой руке, теперь жил в расщелине под домом, под присмотром домового Фрола, и занимался, по его словам, «глубоким философским переосмыслением вампирского бытия». На практике это означало, что он читал старые фолианты и пил чай с боярышником, настоящий на лунном свете. Отец Алекса, Дмитрий, вернулся к юридической практике, зашивая магические дыры в документах нелюдей. Софи, сестра, демонстрировала всё более тревожные способности к гипнозу, но пока всё сводилось к тому, что учителя в школе вдруг ставили ей пятёрки, даже если она не делала домашку.

А Алекс... Алекс пытался вернуться к нормальной жизни. Если работу артефактщика, к которой периодически добавлялись визиты охотника Андриана с намёками на «взаимовыгодное сотрудничество», можно было назвать нормальной.

Марина поставила перед ним две кружки. В его – чёрный, густой отвар. В её – с молоком и странным зигзагом корицы на поверхности.

– Спасибо, – Алекс взял свою кружку, почувствовав приятный жар через керамику. Он всё ещё мог наслаждаться обычной едой и питьём. Одно из немногих преимуществ ста-

туса «неинициированный». Хотя чувство голода, настоящего, вампирского, иногда просыпалось глубокой ночью – тупое, навязчивое.

Они пили молча. Напряжение между ними было тонким, как те самые серебряные нити. После всего пережитого они стали ближе, чем когда-либо. И дальше. Марина знала его тайну, самую страшную. Видела, на что он способен. И осталась. Но между «знать» и «принять» лежала пропасть, полная невысказанных вопросов. «Что будет дальше?», «Ты станешь таким же, как они?», «Мне страшно». Алекс читал эти вопросы в паузах между её фразами, в том, как она иногда замирала, глядя на него.

Он отпил кофе, отставил кружку и потянулся к предмету на столе между ними.

– Ладно, к делу. «Аэлита-7». Самоочищающийся фильтр для жидкостей. Заказ от гильдии алхимиков, – он поднял металлический диск размером с блюдце, испещрённый мелкими рунами. В центре сверкал крошечный сапфировый камень-накопитель. – Они хотят очищать реактивы от магических примесей. Нужно откалибровать под обычную водопроводную воду с остаточным хлором. Сенсорная матрица барахлит.

– И мы будем это делать с помощью моего кофе? – Марина приподняла бровь.

– С помощью дистиллированной воды, которую я залил в твой кофе, – ухмыльнулся Алекс. – Шутка. Кофе – контроль-

ная среда. Если фильтр сможет выделить из него чистую воду, не тронув кофеин и не вызвав побочной полимеризации, значит, сенсоры работают.

Он установил диск на специальную подставку-зарядку, соединённую с небольшим аккумулятором, налитым ртутью и зачарованным на накопление статики. Марина наблюдала, подпирая подбородок ладонью. Ей нравилось смотреть, как он работает. В эти моменты он был не гибридом, не вампиром, а просто мастером. Концентрация, точные движения, лёгкое ворчание, когда что-то шло не так.

– Включаю на минималку, – предупредил Алекс и коснулся рунной стороны диска.

Сапфир вспыхнул мягким синим светом. Рунные линии заструились, как реки на карте. Алекс взял свою кружку с недопитым кофе и аккуратно поднёс её к диску.

– Теперь нужно просто...

Он не успел договорить. Марина, потянувшись за сахарницей, задела его локоть.

Небольшой толчок. Капля чёрного кофе выплеснулась из кружки и упала прямо на центр активированного артефакта.

Произошло всё очень быстро и очень тихо.

Сапфир жадным импульсом втянул в себя каплю. Рунные линии взвизгнули ультразвуком, который отозвался ломотой в зубах. Синий свет сменился на резкий, болезненно-белый.

– Чёрт! – выругался Алекс, пытаясь отдернуть кружку, но было поздно.

Из диска вырвался тонкий, как игла, луч света и ударил прямо в её кружку с кофе и молоком.

Звука не было. Было только зрелище.

Коричневый цвет в керамическом сосуде дрогнул, заколебался, словно испуганный зверёк, и начал... расслаиваться. Молоко отделилось, свернувшись в белый комочек на дне. Кофеин выпал в виде мельчайших тёмных кристалликов. А всё остальное – вода, основная масса жидкости – стала на глазах терять цвет, превращаясь в кристально прозрачную субстанцию.

Через три секунды в кружке Марины плескалась идеально чистая, лабораторная вода. От кофе не осталось и следа, кроме осадка на дне.

Наступила тишина. Пахло озоном и лёгкой грустью.

– Ой, – сказала Марина.

– «Аэлита-7» сработала, – констатировал Алекс, отключив артефакт. Сапфир потух. – Только немного не на том, на чём нужно. И с перезарядом в тысячу процентов. Он вытянул из капли всё, до молекулы, и пошёл по цепной реакции.

– Это... плохо?

– Для алхимиков – отлично. Они мечтают о такой чистоте. Для нас – не очень. Артефакт сейчас перегрет, матрица, возможно, повреждена. И твой кофе уничтожен.

– Зато теперь у меня есть вода, – философски заметила Марина, заглядывая в кружку. – Чистейшая. Ты можешь повторить? Только с моим салатом из огурцов и помидоров?

Чтобы отдельно огурцы, отдельно помидоры, отдельно масло...

Алекс хотел ответить какой-нибудь колкостью, но в этот момент над дверью задребезжал колокольчик – не обычный, а тот, что звонил только при приближении магического существа с сильным природным зарядом.

Они обернулись.

В лавку вошли три женщины. Вернее, вошли две, третью почти вносили под руки. Они были одеты в длинные, выцветшие от воды платья из чего-то, напоминающего водоросли и старую сеть. Волосы, мокрые и спутанные, падали на лица. Кожа отдавала синевато-бледным, почти фарфоровым оттенком. Но больше всего поражали глаза – красные, воспалённые, будто после долгого плача в хлорированной воде.

И чешуя. На открытых участках рук, на шеях, мерцала мелкая, красивая чешуя, как у карпа. Но её блеск был тусклым, матовым, а местами она отслаивалась, открывая красную, раздражённую кожу.

Русалки.

Та, что была в центре, слабая, опираясь на подруг, сделала шаг вперёд. Её голос прозвучал хрипло, с булькающим подтекстом, словно в лёгких была вода.

– Мастер Нежинский? – прошептала она.

– Да, это я, – Алекс вышел из-за прилавка. Русалки редко появлялись в городе, тем более так далеко от своей реки. Их визит сам по себе был тревожным знаком.

– Мы... мы с верховьев Ржавки, – сказала вторая, чуть более крепкая. Её звали, если Алекс не ошибался, Лана. Он делал для их стаи амулеты от браконьеров пару лет назад. – Река... река болеет.

– Болеет? – переспросила Марина, отставив кружку с водой.

– Вода стала... тяжёлой. Маслянистой. Она не поёт. Она не кормит. Она жжёт, – Лана показала на свою подругу, которая беззвучно кашляла. – Сначала заболели мальки, потом водяные ужи, потом... мы. Верхние плесы. Там... там вода мёртвая. Мы пришли просить помощи. У нас есть плата.

Она вытащила из складок платья небольшой холщовый мешочек и высыпала содержимое на прилавок. Зазвенели монеты. Не современные, а старые, медные и серебряные, покрытые патиной и речным илом, с профилями забытых царей и непонятными символами. Находки со дна.

– Мы не знаем, что делать, мастер. Наш водяной, старик Потапыч, он... он говорит, что это не его воля. Что гниёт что-то в земле. Что-то сильное.

Алекс взял одну из монет, повертел в пальцах. Плата была более чем щедрой. Но дело пахло не просто загрязнением. Русалки – детище чистой природной магии. Их болезнь была симптомом чего-то куда более серьёзного.

– Хорошо, – сказал он, глядя на их измождённые лица. – Я посмотрю. Дайте мне собрать кое-что.

Марина уже доставала его полевую сумку.

Они выехали на старом фургоне «ГАЗ» дяди Валентина, который пах бензином, грибами и тайной. Машина была зачарована на незаметность – человеческий глаз скользил по ней, не цепляясь. Алекс за рулём, Марина на пассажирском сиденье, изучала карту.

Ржавка была небольшой рекой, впадающей в городскую судоходную. Верховья – уже за городской чертой, среди дачных посёлков и заброшенных полей.

Чем дальше они ехали, тем тревожнее становился пейзаж за окном. Лето было в разгаре, и зелень должна была быть сочной, яркой. Она и была яркой. Слишком. Трава у обочин горела ядовито-изумрудным цветом, цветы были огромными, с неестественно насыщенными лепестками. Но при ближайшем рассмотрении видно было, что стебли ломкие, хрупкие, а на некоторых листьях проступали странные маслянистые пятна.

– Это нехорошо, – тихо сказала Марина.

– Нет, – согласился Алекс, свернув на грунтовку, ведущую к реке.

Они оставили фургон в кустах и пошли пешком по тропинке. Воздух был густым, сладковатым, с примесью чего-то химического, что щекотало ноздри. Река показалась впереди. Вода в ней текла медленно, лениво, и её поверхность отливала странным, радужным блеском, как лужа с бензином.

– Здесь, – указала Лана, которая, окрепнув, шла с ними. – Начинается.

Алекс достал из сумки простейший детектор – стеклянный шар с сушёным глазом тритона внутри. В чистой природной среде глаз должен был медленно вращаться, следя за течениями магии. Он сунул шар в воду у самого берега.

Глаз дёрнулся, закатился под «веко» из кожи и замер, сжавшись в комочек.

– Магия есть, – констатировал Алекс. – Но она... испуганная. Искажённая.

Внезапно над его головой прожужжало что-то мелкое и быстрое. Он взглянул вверх. Это были фейри – крошечные духи, похожие на стрекоз с переливчатыми крыльями и человеческими лицами. С десятков таких существ металась над ближайшим кустом чертополоха, с визгом собирая с него пыльцу в крошечные торбочки из лепестков. Один из них, побольше, с синими крыльями, заметил Алекса и на мгновение замер в воздухе.

– Уходи! – прошипел фейри голосом, похожим на стрекот кузнечика. – Уходи, двуногий! Корни гневаются! Они шевелятся! Они пьют неправильно!

– Что пьёт? Кто гневается? – попытался спросить Алекс, но фейри уже отчалил, догоняя сородичей. Через секунду вся стайка умчалась прочь, вглубь леса, оставив после себя только слабый след перламутровой пыльцы в воздухе.

«Гнев Корней». Та же фраза, что и от русалок.

Они обследовали берег ещё час, но ничего существенного не нашли. Только маслянистую плёнку на воде, ломкую тра-

ву и гнетущее, почти осязаемое чувство беспокойства, исходившее от самой земли. Алекс взял пробы воды в стерильные колбы – жидкость внутри была тяжёлой, вязкой.

– Ничего. Как будто сама природа сошла с ума, но скрывает причину, – раздражённо сказал он, возвращаясь к фургону.

Обратная дорога прошла в молчании. Лана и её подруги, которых они довезли до их запруды, выглядели подавленными. Алекс пообещал проанализировать пробы.

Было уже темно, когда они вернулись в лавку. Фрол, домовой, встретил их у двери, вертя в лапках закрутку с солёными огурцами – его любимая валюта.

– Шумели тут, – буркнул он. – Искали тебя. Нелюди. Пахнут тиной и страхом.

Алекс устало кивнул, включая свет. Первое, что он увидел, заставило его остановиться.

На пороге, прямо на коврике «Добро пожаловать», сидела женщина. Вернее, существо, лишь отдалённо напоминающее женщину. Её кожа была цвета речного ила, волосы – длинные, зелёные, спутанные водорослями и тиной. Она была вся в грязи, с царапинами на руках. Илона. Наяда из городского парка, дух маленького пруда.

Она подняла на Алекса безумные, широко раскрытые глаза.

– Мастер... – её голос был шепотом, полным ужаса. – Кузьмич... леший Кузьмич... он ушёл.

– Ушёл? Куда? – насторожился Алекс, присаживаясь на корточки перед ней.

Илона задрожала.

– В землю. Прямо на моих глазах. Пошёл к Старому Стражу... к дубу тому, большому... приложил к нему ладонь... и земля... земля его поглотила. Как воду. Только вскрикнуть успел: «Корни!» Всё. Нет его.

Она схватила Алекса за рукав, оставляя грязные пятна.

– Он же смотритель! Он не может уйти! Его парк зовёт! Что-то не так, мастер! Земля... земля болит!

За окном сгущались сумерки. В лавке пахло кофе, озоном и теперь – тиной и страхом. Экологическая угроза обретала лицо. И это лицо, казалось, уходило корнями глубоко в землю, туда, куда не доставали детекторы и где молчали даже духи.

Дело с «мёртвой водой» только что превратилось в дело о пропавшем лешем. А когда пропадает хранитель места, значит, с самим местом происходит что-то смертельное.

Глава 2. Земля, которая жуёт

Городской парк «Зелёный мыс» был оазисом для пенсионеров, мамаш с колясками и нелюдей, которым нужно было место для тихих встреч на почти-природе. Сейчас он напоминал место военных действий.

Жёлтая лента с надписью «Полиция. Не входить» перегородивала центральную аллею. За ней копошились люди в форме и несколько в штатском – последние с особыми, слишком внимательными глазами. Охотники. Смешанная группа: обычные полицейские для отвода глаз и специалисты из Ордена для работы с аномальным.

Алекс предъявил своё удостоверение – неофициальную карточку «консультанта по специфическим материалам», которую Андриан выбил для него после истории с Муэрти. Охранник, туповатый здоровяк с пустым взглядом, уже замахал головой, но из-за спины раздался знакомый голос:

– Пропустите. Мой эксперт.

Андриан Орлов, теперь старший лейтенант с новыми нашивками на рукаве форменной куртки, выглядел усталым, но собранным. Его волосы были коротко острижены, взгляд – острый, сканирующий. Он кивнул Алексу, пропуская его за ленту. На Марину, которая пришла вместе с ним, он лишь взглянул вопросительно.

– Она со мной, – коротко сказал Алекс. – У неё глаз на

детали.

– Ладно. Но только наблюдать. И не трогать ничего, – Андриан повёл их по аллее вглубь парка.

Картина открывалась удручающая. Там, где должен был быть аккуратный газон и клумбы с петуньями, зияли ямы. Не просто ямы – извилистые, широкие траншеи, словно тут поработал невероятных размеров червь или крот, сошедший с ума. Земля была вывернута наружу, комья глины и почвы лежали в хаотичных кучах. Но самое странное – полное отсутствие следов. Ни колёс, ни гусениц, ни даже отпечатков ковшей. Земля будто вздыбилась сама по себе, а потом осела.

– Местный сторож, Кузьмич, пропал, – сказал Андриан, останавливаясь у края самой большой траншеи. – По словам одной свидетельницы – наяды с пруда – его буквально поглотила земля у того дуба.

Он указал на огромный, многовековой дуб, росший на небольшом холме. Дерево выглядело... слишком здоровым. Его листва лоснилась тёмно-зелёным, почти чёрным гляncем, кора была неестественно гладкой, без обычных трещин и дупел. Оно выглядело как муляж, слишком идеальный для живого существа.

– Свидетельница в порядке? – спросил Алекс, прикидывая расстояние от дуба до траншей.

– В шоке. Сидит у пруда, обнимает свою воду и булькает проклятиями. От неё толку мало, кроме истерики. Что скажешь по земле?

Алекс не ответил. Он снял с плеча сумку, достал «Око Вельзевула» – увесистый латунный цилиндр с набором линз и магическими кристаллами-фильтрами. Артефакт был тяжёл, неудобен, но незаменим для анализа тонких материй. Он поднёс окуляр к глазу и нацелил на вывороченную землю.

Обычно мир через «Око» преображался в танцующие потоки энергии. Ауры живых существ, фоновое свечение магии, следы заклинаний. Здесь же...

– Чёрт побери, – выдохнул Алекс.

Не было никаких изящных потоков. Вместо них клубился хаос. Ярко-зелёные и ядовито-красные нити, похожие на спутанные ДНК или нервные волокна в припадке, бились в конвульсиях, переплетались, рвались и срастались вновь. Это была не магия в привычном смысле. Это был «генетический шум». Безумие на клеточном уровне.

– Это не порча и не заклинание, – сказал он, отрываясь от окуляра. Глаз болел от увиденного. – Это мутация. Что-то заставляет саму биомассу – почву, растения, вероятно, – сходиться с ума на фундаментальном уровне. Ускоренный, агрессивный рост с полным нарушением всех программ.

– Мутация? – Андриан нахмурился. – Химическое заражение? Радиация?

– Возможно. Но «Око» показывает не химию, а живую энергию. Тут замешана сила, которая напрямую вмешивается в жизненные коды. Как будто...

Он не успел договорить. Земля под его ногами дрогнула.

Сначала это было похоже на лёгкое землетрясение. Потом почва в метре от него, на краю траншеи, вдруг стала... жидкой. Твёрдая, утрамбованная тысячами ног земля внезапно обрела консистенцию густой каши, затем воды. И из этой жижи рванулись вверх толстые, бледные, как черви, корни ближайшего куста шиповника.

Они двигались с неестественной, зловещей скоростью. Не как растения, а как щупальца. Один из корней обвил лодыжку молодого полицейского, который стоял слишком близко к краю, заворожённо глядя на траншею.

– Что за... А-а-а! – коп перешёл на вопль, когда корень рванул, пытаясь стащить его в жидкую землю.

Андриан среагировал мгновенно, ухватив человека под мышку, но почва уже засасывала. Другие корни тянулись к ним, шурша по земле, как змеи.

У Алекса не было времени думать. Он швырнул в эпицентр жижи маленькую синюю гранулу – замораживающий артефакт одноразового действия, «Лёденец». Гранула, ударившись о корень, взорвалась не огнём, а волной пронизывающего холода. Иней мгновенно покрыл землю и щупальца, сковав их на секунду-другую. Хватило, чтобы Андриан и ещё один охотник вытащили полицейского, оторвав его ботинок, оставшийся в ледяном плену.

Но эффект таял на глазах. Лёд треснул. Корни снова зашевелились, освобождаясь. Жижа булькала, готовая поглотить следующую жертву.

– Отходите! Все от траншей! – крикнул Андриан, вытаскивая пистолет со странным, ребристым стволом – явно не стандартный.

В этот момент с аллеи донёсся голос. Негромкий, мелодичный, похожий на шёпот листвы.

– Тише... всё тише... слушай кору, а не ветер...

Все обернулись. К ним шёл молодой человек. Очень молодой, лет двадцати на вид, долговязый и худой, одетый в простую зелёную толстовку и потрёпанные джинсы. В руках он нёс папку с бумагами и маленький горшочек с ростком. Его кожа имела лёгкий, едва уловимый оливково-зелёный оттенок, а волосы цвета молодого дуба были удивительно пушистыми. Он выглядел как типичный студент-ботаник, загулявший до утра в библиотеке.

Но он не испугался вида вооружённых людей и аномалии. Он подошёл к самой границе жидкой земли, поставил горшочек на землю и прикоснулся к почве ладонями.

И запел. Вернее, издал серию низких, вибрирующих звуков, больше похожих на гул земли, на скрип дерева, на журчание воды в корнях. Это была не человеческая речь. Это был язык самой природы, грубый, древний, лишённый слов, но полный смысла.

Эффект был поразительным. Жижа перестала булькать. Дёргающиеся корни замерли, затем медленно, нехотя, стали вытягиваться обратно в почву. Земля по краям начала твердеть, теряя желеобразную консистенцию. Через минуту на

месте аномалии осталась лишь влажная, рыхлая, но обычная земля и примятая трава.

Парк снова затих. Только тяжёлое дыхание полицейского, лишённого ботинка, нарушало тишину.

Молодой человек поднялся, отряхнул ладони и смущённо улыбнулся.

– Простите, что вмешался. Но она... она очень громко кричала. Не мог пройти мимо.

Андриан не опускал пистолет. Его взгляд был жёстким, аналитическим.

– Кто вы? И что это было?

– Элиас, – представился юноша. – Элиас Зернов. Я работаю в городском дендрарии, практикант. А это... – он кивнул на успокоившуюся землю, – это боль. Земля здесь болит. И она пытается защититься, или... или напасть, потому что не понимает, что происходит.

– Вы дриад, – сказал Алекс, делая шаг вперёд. Он чувствовал исходящую от Элиаса слабую, но чистую вибрацию – похожую на ту, что шла от здорового дерева, только приглушённую.

Элиас кивнул, чуть покраснев (и его кожа приобрела интересный медный отлив).

– Наполовину. Мама – дриада из заказника под Тулой. Папа – инженер-лесопатолог. Гены слегка... перемешались. Я не могу превратиться в дерево или пустить корни, но чувствую их. И сейчас... – его лицо омрачилось, – сейчас я чув-

ствую сплошной вопль. От земли, от деревьев, даже от камней. Как будто что-то взывает о помощи, но само уже стало угрозой. Это не естественно. Это как... как раковая опухоль в теле планеты.

– Раковые опухоли не хватают людей за ноги, – холодно заметил Андриан, наконец убирая оружие в кобуру.

– Агрессивная иммунная реакция на патоген, – парировал Элиас. – Организм атакует всё подряд, включая здоровые клетки. Тут так же. Место пытается избавиться от угрозы, но само уже заражено и не отличает друга от врага.

Алекс с интересом разглядывал полукровку. Дриады были редки, особенно в городе. Этот был не только наполовину человек, но и, судя по всему, обладал научным складом ума. Ценная комбинация.

– Вы говорите «патоген». У вас есть предположения? – спросил он.

Элиас пожал плечами, указывая на дуб.

– Эпицентр – там. Старый Страж. Он... он не кричит. Он молчит. И эта тишина – самая громкая вещь здесь. Все вокруг него сходят с ума, а он просто стоит. Идеальный, здоровый, мёртвый внутри. Как будто вся жизнь и всё безумие вокруг – лишь побочный эффект от чего-то, что сидит в нём. Или под ним.

Андриан вздохнул, проводя рукой по лицу.

– Прекрасно. Пропавший леший, земля-людоед, кричащие деревья и молчаливый дуб-убийца. И всё это в двух ки-

лометрах от спального района. – Он посмотрел на Алекса. – Твои пробы с реки. Есть связь?

– Русалки болеют от воды, которая «тяжёлая и маслянистая». Фейри кричали про «Гнев Корней». Теперь земля пытается жевать людей, а дриад чувствует крик. Да, связь есть. Экологическая катастрофа с магическим подтекстом, – резюмировал Алекс.

– Значит, ты в деле официально, – сказал Андриан. – Найди источник. И постарайся без легатов, древних и прочих глобальных потрясений. Один апокалипсис на год – достаточно.

– Буду стараться, – сухо пообещал Алекс.

Элиас переминался с ноги на ногу.

– Эм... если нужна помощь... с землёй, с деревьями... я могу попробовать. Я же практикант, у меня гибкий график.

Андриан оценивающе посмотрел на него, потом на Алекса.

– Твой новый ассистент, Нежинский? Пригляди за ним. И чтобы он подписал бумаги о неразглашении. Стандартный набор.

– Пойдёмте, Элиас, – кивнул Алекс, собирая «Око Вельзевула». – У меня в лавке есть и бумаги, и чай. И несколько вопросов. Например, что может заставить «Старого Стража» замолчать настолько, что вокруг него сходит с ума вся природа.

Он бросил последний взгляд на дуб. Дерево стояло, без-

молвное и прекрасное, в лучах заходящего солнца. Оно не выглядело угрозой. Оно выглядело памятником. И, как знал Алекс, самые опасные вещи в их мире часто скрывались под маской безобидной красоты.

Глава 3. Человек в дорогом костюме

На следующий день «Артефакты Томаса» пахли землёй. Не здоровой, лесной, а той, что привезли из парка – едкой, с металлическим и сладковатым оттенком. Пробы почвы стояли в запечатанных кристаллических чашках на рабочем столе Алекса, и с ними творилось нечто пугающее.

Он настроил обычный, немеханический микроскоп – магия вблизи таких образцов вела себя непредсказуемо – и вглядывался в каплю жижи, помещённую между стёклами. Это был кошмар на клеточном уровне. Частицы почвы не лежали смирно. Они шевелились. Тяжелые глинистые комочки выпускали что-то вроде псевдоподий и пытались атаковать соседние песчинки. Органические остатки гнили с неестественной скоростью, выпуская пузырьки газа, которые, лопаясь, оставляли микроскопические маслянистые пятна. Но самое тревожное произошло, когда крошечный, невидимый глазу обломок корня коснулся стекла. Он не просто прилип. Он начал выделять едкую субстанцию, которая заставила стекло потрескаться с тонким, злобным шипением.

– Это даже не мутация, – пробормотал Алекс, откидываясь на спинку стула. – Это война. Война внутри самой биомассы. Всё атакует всё.

Марина, разбирающая старые заказы в картотеке, взглянула на него с беспокойством.

– И что, это везде? Во всём парке?

– Пока только в очагах, возле тех траншей. Но если это инфекция... она может расползаться. Как рак, – подтвердил мысли Элиаса Алекс. Он потёр переносицу. – Нужно понять источник. Точно не промышленные выбросы. Это что-то... целенаправленное. Живое.

В этот момент над дверью зазвенел магический колокольчик. Но не тревожно, а как-то... сдавленно, словно кто-то наступил на него.

Дверь открылась, и в лавку вошёл незнакомец.

Первое впечатление – безупречность. Дорогой, идеально скроенный костюм цвета мокрого асфальта. Белоснежная, без единой складки рубашка. Галстук тёмно-зелёного шёлка, заколотый простой, но явно серебряной булавкой в виде дубового листа. Человек лет сорока пяти, с аккуратной сединой на висках и умным, спокойным лицом, на котором читалась лёгкая усталость, будто от непосильной, но благородной ноши. Он пахнул дорогим парфюмом – нотами кедра, мха и чего-то горького, вроде полыни. Однако под этой маской цивилизованности Алекс уловил другой запах. Чистый, резкий, как воздух после грозы в глубине леса. Не парфюм. Личная аура. Магия.

Незнакомец медленно обвёл взглядом полки, уставленные артефактами: защитные амулеты, бытовые обереги, заготов-

ки для сложных схем. Его взгляд скользил по ним не с интересом клиента, а с холодной, аналитической оценкой. И в уголках его губ читалась едва уловимая брезгливость.

– Алексей Нежинский? – спросил он. Голос был бархатистым, убедительным, голосом человека, привыкшего, что его слушают.

– Да. Чем могу помочь? – Алекс встал, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Этот визит не предвещал ничего хорошего.

– Виктор Краен. Возможно, вы слышали. Я представляю организацию «Проект Гайя». Мы занимаемся экологическим восстановлением и... урегулированием магико-биологических дисбалансов.

Организация. Знал ли он о них? Смутно. В слухах, которые иногда просачивались от ведьм или домовых, «Гайя» упоминалась как группа фанатиков-экологов, но с деньгами и связями. Био-пуристы. Те, кто считал любую нечеловеческую магию искажением природного порядка.

– Слышал краем уха, – нейтрально ответил Алекс. – Но в чём конкретно вопрос?

Краен сделал несколько шагов, приблизившись к рабочему столу. Его взгляд упал на чашки с почвой. Он не удивился, лишь слегка нахмурился, как врач, видящий знакомые симптомы у нового пациента.

– Я вижу, вы уже столкнулись с проблемой. «Плачущая земля». Так мы это называем. Очень точный термин, не

правда ли? Земля, доведённая до отчаяния, плачет ядом.

– Вы знаете, что это? – спросила Марина, перестав перебирать карточки.

Краен повернул к ней голову, оценивающе кивнул.

– Мисс Белецкая, да? Человек. Храбрый. – Его тон был вежливым, но в нём сквозило снисхождение. Он вернулся к Алексу. – Мы знаем причину. И мы здесь, чтобы её устранить. Но для этого нам нужно, чтобы такие места, как ваша лавка, перестали усугублять проблему.

Алекс почувствовал, как в нём закипает раздражение.

– Усугублять? Чем именно?

– Эксплуатацией, молодой человек. – Краен мягко провёл рукой в воздухе, указывая на полки. – Всё это. Артефакты. Магия, вырванная из живого контекста, заключённая в мёртвые схемы, чтобы служить сиюминутным прихотям. Вы берёте силу у природы, у духов, у сущностей, и превращаете её в товар. Вы ослабляете естественные барьеры, вы делаете мир уязвимым. Именно такое вмешательство и порождает такие аномалии, – он кивнул на чашки. – Природа, уставшая быть бездонным колодезём, из которого все только черпают, начинает защищаться. И её защита... нецивилизована.

Алекс заставил себя дышать ровно. Он слышал эту риторику. От старых, консервативных леших, от некоторых радикальных фейри. Но в устах этого человека в дорогом костюме она звучала особенно опасно.

– Вы предлагаете вернуться в пещеры? Отказаться от ре-

месла, от алхимии, от всего, что позволяет нам выживать в мире людей? – спросил Алекс, скрестив руки на груди. – Магия – часть этого мира. Мы не эксплуатируем её слепо. Мы находим симбиоз. Договор. Охотники регулируют...

– Охотники! – в голосе Краена впервые прозвучала эмоция – лёгкое, презрительное отвращение. – Надсмотрщики, поддерживающие болезненное статус кво. Они не решают проблему, они лишь заглушают симптомы, пока раковая опухоль растёт. Симбиоз, о котором вы говорите, – это иллюзия сильного. Это паразитизм, прикрытый вежливыми словами. «Проект Гайя» предлагает не возврат в пещеры. Мы предлагаем исцеление. Полное очищение экосистемы от чужеродных, насильственных вмешательств. Чтобы Природа могла восстановить свой истинный, сбалансированный облик.

В лавке повисла тяжёлая пауза. Марина смотрела на Краена, как на проповедника опасного культа, который говорит красиво, но от которого пахнет кровью.

– И каков же «истинный облик»? – тихо спросил Алекс. – Мир без нелюдей? Без магии, кроме той, что течёт в ручьях и шелестит листьями? Вы хотите отменить целые эпохи эволюции.

Краен улыбнулся. Это была холодная, печальная улыбка пророка, которого не понимают.

– Эволюция иногда заходит в тупик, Алексей. И тогда требуется... корректировка. Мы не враги разумным существам, которые живут в гармонии с природой. Но гибриды,

артефактщики, алхимики, те, кто колдует, не слушая шёпота корней... вы – симптомы болезни. И болезнь нужно лечить. Я пришёл не с угрозами. Я пришёл с предложением. Закройте лавку. Прекратите производство. Обратите ваш несоменный талант на изучение способов... ассимиляции. Возвращения в лоно. Или, по крайней мере, не мешайте тем, кто пытается мир исцелить.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака тонкий, прямоугольный предмет и положил его на прилавок. Это была визитная карточка. Но бумага на ощупь была не бумагой. Она была тёплой, слегка шершавой, с прожилками, как у настоящего листа. На ней простым, зелёным шрифтом был выведен адрес и название: «Проект Гайя. Отдел биомагической санации». И маленький логотип – стилизованное дерево, корни которого обвивали планету.

– Подумайте, – сказал Краен. – Пока не стало слишком поздно. Пока «плач земли» не перерос в полномасштабный рёв, который смоем всё на своём пути.

Он кивнул им обоим, повернулся и вышел так же бесшумно, как и появился. Дверь закрылась за ним, но тяжёлое, давящее присутствие ещё висело в воздухе, смешиваясь с запахом больной почвы.

– Вау, – выдохнула Марина. – Этот парень... он верит в каждое своё слово. И это самое страшное.

Алекс молча взял визитку. Лист-бумага был живым на ощупь. Он положил её обратно, чувствуя тошнотворное бес-

покойство.

– Он не просто верит. У него есть план, ресурсы и идеология, которая оправдывает любые действия. «Биомагическая санация»... Звучит как приговор.

Он подошёл к кассовому аппарату – старому, механическому, который дядя Валентин отказывался менять на электронный, потому что «в железе душа есть». Аппарат стоял с открытой крышкой – утром заело механизм выдачи сдачи. Алекс собирался его починить позже.

Сейчас внутри что-то щёлкало.

– Странно, – нахмурился Алекс, заглянув внутрь.

Среди шестерёнок и рычажков лежало то, чего там быть не должно. Крошечное, не больше семечка подсолнуха, зёрнышко тёмно-коричневого цвета. Оно пульсировало слабым зеленоватым светом.

– Что это? Он что-то подбросил? – Марина встала рядом.

Алекс потянулся, чтобы извлечь зёрнышко пинцетом, но не успел.

Зёрнышко дёрнулось. Лопнула тонкая оболочка. Из неё, с треском, похожим на хруст кости, вырвался бледный, быстрый росток. Не вверх, а в стороны. Он металлически блеснул на свету – это были не стебли, а миниатюрные, острые как бритва, стальные усики-лезвия. Они сомкнулись вокруг ближайшей монетки – пятикопеечного советского пятака, лежавшего среди мелочи.

Раздался тонкий, визгливый скрежет.

Лезвия сжались.

И перекусили монету пополам.

Через секунду миниатюрный капкан-растение засох, почернел и рассыпался в пыль, оставив на месте лишь две половинки разрезанной монеты с идеально ровным, блестящим срезом.

Алекс и Марина смотрели на это в полном молчании.

Демонстрация силы. Или технологии. Или магии, которая уже не отличалась от технологии. Быстрая, эффективная, безжалостная. Не атака на них лично – предупреждение. Символ того, что может сделать их «идея», если её применить в большем масштабе. К дереву. К животному. К человеку.

– Это была не просто беседа, – тихо сказал Алекс, глядя на половинки монеты. – Это была разведка боем. И объявление войны.

Марина взяла его за руку. Её пальцы были холодными.

– Что будем делать?

Алекс закрыл крышку кассового аппарата с глухим стуком.

– Сначала – выяснить, что именно «Проект Гайя» считает «очагом инфекции», который нужно «исцелить». Потому что я начинаю подозревать, что «плачущая земля» в парке – не трагическая случайность. Это либо их провальный эксперимент. Либо... первое применение их «лекарства». И в любом случае, они знают больше, чем говорят. И у них есть

чем резать монеты. И не только монеты.

Глава 4. Тени прошлого

Ужин в доме Нежинских, примыкавшем к лавке через внутренний дворик, редко был тихим событием. Обычно это был обмен новостями под звон ложек о тарелки: отец, Дмитрий, делился абсурдными случаями из юридической практики («...и представляешь, домовый требовал признать его прописанным на чердаке с 1893 года, у него даже метрическая книга была!»), мама, Анна, – сплетнями из ночного клуба, который она формально управляла для вампирской гильдии («...и вот эта молодая ведьма пытается продать эликсир вечной молодости, а сама морок не держит, все морщины видно!»). Софи молчала, уткнувшись в телефон, но её присутствие было острым, как булавка. Алекс отмалчивался, обдумывая схемы артефактов.

Сегодня вечер был другим.

Тишину нарушал только стук ножа о разделочную доску, где Анна с необычной яростью шинковала салат. Дмитрий сидел, уставившись в стакан с тёмно-красным вином, но не пил. Воздух был густ от невысказанной тревоги.

– Так, – начала Анна, поставив на стол салатницу с глухим стуком. – Давайте по порядку. Алекс, этот... Краен. Ты уверен, что это именно «Проект Гайя»? Не просто какой-то фанатик-одиночка?

– У него была визитка из живого листа, мам. И семечко,

которое перекусило монету. Это не уровень одиночки, – отозвался Алекс, отодвигая тарелку с тушёными овощами. Еда казалась безвкусной.

– «Проект Гайя»... – Дмитрий наконец оторвался от стакана, потирая переносицу. – Я слышал это имя. Не в прямых делах, нет. Но в архивах городского суда, в старых, ещё до-революционных земельных спорах... упоминались «последователи Гайи». Обычно это были конфликты с друидами, с лесными кланами. Они тогда пытались оспорить право города на расширение, говорили о «правах земли». Судьи их не любили – слишком мистично, слишком пахло язычеством. Дела всегда заминались, а «последователи» исчезали. Я думал, это просто секта какая-то вымершая.

– Не вымерла, – мрачно констатировал Алекс. – Эволюционировала. Надела костюмы и заговорила о «биомагической санации».

– А я... – тихо сказала Софи, не отрываясь от экрана своего ноутбука. Все посмотрели на неё. Она редко вклинивалась в серьёзные разговоры взрослых. – Я тут кое-что нашла.

Она развернула ноутбук. На экране был скан страницы из потрёпанного кожаного дневника с тиснёнными инициалами «Т.Н.» – Томас Нежинский, прадед, основатель лавки.

– Это из его дневников. Я начала оцифровывать, чтобы не истлели, – объяснила Софи. Её голос был ровным, но в нём слышалась скрытая гордость. – И там, в записях за... 1872 год, есть закладка. И целый раздел, помеченный как

«Зелёная Смута».

Алекс придвинулся ближе. На пожелтевшей странице акkuratным, чётким почерком было написано:

«...и снова говорят о «проснувшихся корнях». В Заречье сады за ночь выросли в непролазные чащи, поглотив два дома. Старожилы шепчут о мести друидов. Но мой брат, Симон, отправился к ним для переговоров и вернулся... изменённым. Говорит, что мы, нелюди, оторвались от истинного источника, что наша магия – мертворождённое дитя. Он назвал меня «предателем крови» за то, что я продолжаю торговать артефактами. Боюсь, он перешёл на их сторону. Боюсь, он стал тем, кого они зовут «Садовником»...»

– Симон Нежинский? – удивлённо поднял брови Дмитрий. – Я думал, у прадеда Томаса был только один брат, погибший на дуэли.

– Видимо, историю переписали, – сказала Анна, её лицо стало каменным. – «Предатель крови»... Звучит как обвинение от чистых кровей. Или от тех, кто считает кровь вообще лишней.

– Зелёная Смута... – Алекс перечитал отрывок. – Это совпадает с тем, что говорил отец про земельные споры. Полтора века назад город чуть не поглотили джунгли. И наш предок, возможно, был в самой гуще этого. И был на стороне... этих самых «последователей».

– Нам нужно смотреть архивы лавки, – решительно сказал Алекс, вставая. – Не только дневники. Могли остаться

газеты, заметки, может, даже чертежи того, с чем они тогда боролись.

– Я помогу, – тут же отозвалась Софи.

– Нет, – мягко, но твёрдо сказала Анна. – Ты останешься здесь. Подвал лавки – не место для... для неподготовленных. Алекс, возьми дядю Валентина. Он помнит больше, чем кажется.

Дядя Валентин, которого позвали из его расщелины, пришёл в столовую, обвешанный амулетами и с перекошенным от недовольства лицом.

– Архивы? Ночью? Меня туда магнито-резонансная тоска по небытию только что накрыла, а вы про архивы! – бурчал он, но уже надевал поверх халата старый, пропахший нафталином плащ. – Ладно, ладно. Только потому, что Краен пахнет той же вонью, что и друиды из моего детства. Только они пахли лесным перегноем, а этот – дорогим мылом и высокомерием.

Подвал «Артефактов Томаса» был не просто складом. Это был слоёный пирог из памяти поколений. Первый уровень – обычные коробки с компонентами. Второй – зачарованные сейфы с опасными материалами. И третий, самый глубокий и тёмный, куда вела узкая винтовая лестница из чугунного литья, – архив.

Воздух здесь пах пылью, старой бумагой и едва уловимым запахом озона от магических замков. Стеллажи из чёрного дерева уходили в темноту, уставленные папками, свёртками

в холсте, металлическими ящиками с руническими символами.

– Осторожно со стеллажом «Ж», – предупредил Валентин, зажигая старую газовую горелку, которая давала неровный, прыгающий свет. – Там хранится коллекция криков мандрагоры, законсервированных в стекле. Встряхнёшь – весь квартал услышит.

Алекс шёл за ним, водя лучом фонаря по корешкам. «Корреспонденция. 1905-1910», «Рецептуры. Зелья крови», «Чертежи. Охранные системы». И наконец – «Хроники. Городские события».

Они вытащили несколько толстых фолиантов, перетянутых верёвкой. Внутри были не книги, а аккуратно подшитые вырезки из газет, листовки, рукописные заметки на клочках бумаги. Самые старые пожелтели до коричневого цвета.

Алекс развернул одну из подшивок, помеченную 1872 годом. Заголовки кричали с страниц выцветшими чернилами:

«ЧУДЕСА ИЛИ КОШМАР? РАСТЕНИЯ В ГОРОДЕ ОБРЕЛИ ВОЛЮ!»

«ЗАРЕЧЬЕ ОТРЕЗАНО ОТ МИРА НЕПРОХОДИМОЙ ТАЙГОЙ ЗА ОДНУ НОЧЬ!»

«ГОВОРЯТ, ВИНОВАТЫ ДИКАРИ-ДРУИДЫ. ВОЙСКА ГОТОВЫ К ОЧИСТКЕ».

Были и карандашные наброски на полях – вероятно, сделанные рукой Томаса. Схемы странных, похожих на папоротник, но с металлическими шипами растений. Заметки:

«Отзыв магии – ноль. Огонь – временный эффект. Реагируют на звук? На вибрацию? Симон утверждает, что ключ – в «сердцевине»».

– Смотри, – прошептал Валентин, указывая на более позднюю вырезку, 1873 года. Маленькая заметка в углу.

«ТРАГИЧЕСКИЙ ИНЦИДЕНТ. Пожар в усадьбе Нежинских унёс жизнь Симона Нежинского, известного мецената и натуралиста. Причины возгорания устанавливаются».

– «Пожар», – мрачно произнёс Алекс. – Удобно. Симон исчез, а с ним, видимо, и «Зелёная Смута» пошла на убыль. Но не исчезла совсем. Ушла в подполье. И сменила имя на «Проект Гайя».

– И теперь она вернулась, – заключил Валентин, туши горелку. – С новыми технологиями, новыми идеями и, чёрт побери, с семечками, режущими металл. Нам нужен специалист, Алекс. Не историк. Биолог. Или алхимик, который понимает, как работают самые основы жизни.

Алекс уже доставал телефон.

– У меня есть на примете один.

Борис, колдун, которому Алекс был должен жизнью (и наоборот), отвечал на пятый гудок. Вместо привычного недовольного лица на экране появилось изображение в зеленоватых тонах ночного видения. Борис был в чём-то вроде герметичного защитного костюма, с маской и перчатками. За его спиной был не лабораторный стол, а большой, укреплённый герметичный бокс из какого-то мутного, но прочного

пластика.

– Алекс? – голос Бориса звучал приглушённо через фильтр маски. – Не вовремя. У меня тут... интересный образец.

– Борис, мне нужно... – начал Алекс, но замолчал, всмотревшись в то, что происходило в боксе.

Внутри, на каменной подставке, лежал кусок обычного лесного мха. Или не совсем обычного. Он дёргался. Пульсировал. И не просто рос – он формировал структуры. Тонкие, шипообразные выросты с молниеносной скоростью вырастали из зелёной массы и с силой били по стенкам бокса. Тук. Тук. Тук. Стекло (или что это было) покрывалось паутиной трещин, но держалось. От ударов летели искры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.